

эпического проклятия („Ни бóлеть вам, и ни мѣнеть“) и рассказа о многовековой сохранности орехового куста, под которым молилась Феврония. Предание об этом кусте слышал и Н. Любомудров, но, вероятно, уже не в органической связи с легендой, почему он и упомянул о нем отдельно.¹ Конечно, эти особенности данной легенды не представляют собою ее оригинальных черт; но их соединение с повествованием о Петре и Февронии необходимо признать очень древним. Эпическая формула проклятия: „Ни бóлеть вам, и ни мѣнеть“ — местного окского распространения. Она связана с именем митрополита Алексея, которому здесь в середине XIII в. был дан на кормление город, получивший, очевидно, вследствие этого наименование „Алексин“. В окской легенде рассказывается о том, что

„Алексей ехал в орду, будучи вызван туда для исцеления жены хана. У города Алексина ему пришлось переправляться через Оку, и он обратился к помощи жителей пригородной Рыбацкой слободы. Те перевезли его и за это потребовали платы“. У Алексея не было денег, и они сняли с него крест; тогда митрополит им сказал: „за то, что вы со мною так поступили, вы всегда будете жить ни бедно ни богато“.²

Связь эпического проклятия с именем митрополита Алексея (XIII в.) в какой-то мере говорит о древности его распространения, а это в свою очередь косвенно свидетельствует о древности рассматриваемой нами легенды о Петре и Февронии. Кроме этого, следует обратить внимание на самый характер ласковской легенды о Петре и Февронии в научной записи XX в. Феврония здесь настойчиво называется „дурочкой“; отношение к ней окружающих недоброжелательно: „народ наш смеялся над ней“, наконец, сама Феврония обнаруживает мстительность и злобу, проклиная жителей Ласкова. Легенда в таком своем виде не могла сложиться на основе повести, где образ Февронии уже запечатлен чертами христианской морали. Очевидно, легенда идет не от повести, а от сказочного прототипа ее, представляя собою вторую, параллельную повести, линию развития этого сюжета. Так, рассматриваемая легенда о Петре и Февронии заслуживает более пристального внимания: она является ключом к некоторым историко-литературным проблемам, связанным с изучением повести о Петре и Февронии.

Прежде всего, она дает новые данные для уточнения наших представлений о сказочном прототипе повести. Вопрос о наличии в этом прототипе обусловленного прихода героини, благодаря ее свидетельству, решается положительно. В обоих вариантах есть следы этого эпизода. Но в варианте Н. Любомудрова, в изложении, далеко ушедшем от народной традиции, говорится только, что за Февронией „отправлены были княжеские люди“. В варианте же Рязанского ИНО Феврония требует, чтобы Петр приехал за нею летом на Петров день на санях. Это, конечно, рудимент сказочной

¹ Ук. соч., стр. 5.

² Г. Анофриев. Алексин. Местные предания и легенды. Тр. Тульск. губ. уч. арх. ком., кн. 1, стр. 21¹.